

ТЕТРАДЬ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

ШАВУОТ

12 тем для изучения и обсуждения за праздничным столом

Двенадцать вопросов из урока рава Рафаэля Бенизри «Рут, Эшет хаиль и хесед»: кто три доблестные женщины Писания, зачем приходят ангелы «Шалом алейхем», почему иша — не женский род от иш и что убедило Наоми принять Рут.

Рав Рафаэль Бенизри

Содержание

Темы для размышления и вопросы для обсуждения за столом Шавуота

01 Три доблестные женщины

02 Колоски бывают разные

03 Ангелы, сменяющие службу

04 Шалом — полнота бытия

05 Гниль в костях

06 Иша — не женский род от иш

07 Не он даёт имя женщине

08 Хаиль: борьба в добродетели

09 Три влечения

10 Поэма без трансцендентности?

11 Нет святости в одиночку

12 Иудаизм — это гора

Три доблестные женщины

ВВЕДЕНИЕ

Накануне Шавуота в центре праздника — женщина: Рут, чужестранка, происходящая из рода, о котором предпочли бы умолчать. Рав отмечает, что выражение эшет хаиль, жена доблестная, встречается во всём Писании лишь трижды.

ВОПРОС

Кто эти три «доблестные женщины» — и почему этот атрибут относится особенно к Рут?

ОТВЕТ

«Жена доблестная — венец мужу своему» (Мишлей 12:4); «весь народ мой знает, что ты женщина доблестная» (Рут 3:11).

Рут — молодая женщина, пришедшая издалека, которая своим усердием, своим рвением, своим самоотречением вступает в ряды еврейского народа. Она становится прародительницей не только царя Давида, но и мессианской фигуры, которую мы ждём. И именно к ней особенно относится атрибут эшет хаиль.

Таких упоминаний три. Первое: жена доблестная — венец мужу своему. Второе — та, которую восхваляет царь Шломо в конце своего гимна мудрости, видя её воплощённой в женском начале. А третье — Рут.

Боаз, почтенный член общины, берёт под своё крыло эту чужестранку, пришедшую по бедности собирать колоски на его полях.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Если бы нам нужно было присудить у себя звание «доблести», кому бы оно досталось — и за что: за видимый подвиг или за тихое постоянство? Пусть каждый назовёт человека, который носил его своим самоотречением.

Колоски бывают разные

ВВЕДЕНИЕ

На полях Боаза встречаются два отношения. Жнец роняет колосья и не трудится их подобрать. А за ним кто-то приходит и собирает их один за другим. Рав задаёт вопрос: кто из двоих доблестен?

ВОПРОС

Кто по-настоящему заслуживает звания «доблести»: тот, кому принадлежит поле, или тот, кто подбирает забытое на нём?

ОТВЕТ

«И собирала она колоски на поле позади жнецов» (Рут 2:3).

Есть колоски брошенной пшеницы, оставленные жнецом, который считает, что это лишь мелочи и прокормить его они не могут. У него довольно. Он всем владеет, всё знает, у него много чего есть.

И есть тот бедняк, что усердно приходит на поля собирать эти забытые, брошенные колоски и ими питается. Именно он, быть может, заслуживает звания эшет хаиль, жены доблестной.

Таково положение Рут: придя по бедности собирать колоски на чужом поле, она питается тем, что другие не сочли достойным подобрать.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

В нашей учёбе, отношениях, традиции есть «забытые колоски», которые мы считаем слишком мелкими для себя. Какие? И кто вокруг нас питается именно тем, что мы роняем?

Ангелы, сменяющие службу

ВВЕДЕНИЕ

В пятницу вечером, перед «Эшет хаиль», приветствуют ангелов «Шалом алейхем», которые сопровождают главу семьи из синагоги домой. Рав задаёт простой вопрос: зачем приходят эти ангелы?

ВОПРОС

Почему при наступлении Шабата встречают новых ангелов?

ОТВЕТ

«Шалом алейхем, малахей а-шарет» — мир вам, ангелы служения.

Очень поэтичны эти ангелы, сопровождающие главу семьи. И здесь происходит смена службы. Есть ангелы будней, самые разные: финансисты, земледельцы, советники — сегодня сказали бы ещё: мастера на все руки. В канун Шабата они прощаются с нами.

Мы оставляем в стороне все эти заботы; считаем, что всё закончено, что делать больше нечего. Мы думаем о себе, о своей семье; уходим в себя, даём себе время восстановиться. Это Шабат.

И тогда мы призываем новых ангелов-спутников: новые сферы мысли, новые идеи, новый итог. Мы входим в свой Шабат с совершенно новым духом, духом обновлённым.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Какие «ангелы будней» входят с нами в дом в пятницу вечером: работа, заботы, экраны? Что мы могли бы конкретно сделать, чтобы распрощаться с ними у порога, — и что хотели бы встретить вместо них?

Шалом — полнота бытия

ВВЕДЕНИЕ

В «Шалом алейхем» последний куплет отпускает ангелов: «Цетхем ле-шалом» — идите с миром. Одни его произносят, другие опускают. Рав видит в этом указание на то, что такое на самом деле шалом.

ВОПРОС

Почему некоторые не испытывают потребности удерживать «ангелов» за своим столом?

ОТВЕТ

Рав: «Шалом означает полноту бытия».

Мы всегда говорим об ангелах мира. Но шалом означает не только мир: он зависит от шлемут, цельности, того внутреннего чувства мира со своим окружением, с детьми, с братьями, когда сняты все напряжения.

Похоже, мы встречаем ангелов мира потому, что не уверены в полноте бытия, царящей в доме. Напряжения есть всегда. И порой мы приглашаем посторонних людей, чтобы оживить наш стол, чтобы не дать поселиться скуке, чтобы расширить наши разговоры.

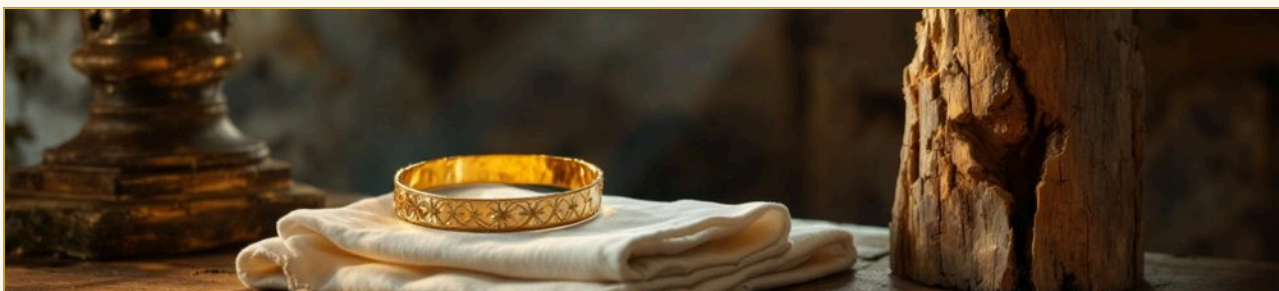
Те, кому это не нужно, говорит Рав, опускают этот куплет. Они не хотят зависеть от посторонних за своим столом, которые исказили бы язык семьи, язык безмятежности и полноты, — и прежде всего с женой.

ВЫВОД РАВА

Пока человек не в мире с собой, он ни с кем не в мире.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Нужны ли нам гости, экраны или посторонние темы, чтобы наш субботний стол был приятным? Что нужно, чтобы хватало «языка семьи», — и какое напряжение следовало бы сначала успокоить?

ВВЕДЕНИЕ

В книге Притчей жене доблестной, венцу мужа, противопоставлена иша мевиша — «как гниль в костях его». Рав оспаривает общепринятый перевод этого слова и объясняет, почему образ касается именно костей.

ВОПРОС

Что такое жена, которая «срамит» мужа, — и почему зло поражает саму структуру человека?

ОТВЕТ

«Жена доблестная — венец мужу своему, а позорящая — как гниль в костях его» (Мишлей 12:4).

Иша мевиша — это не «распутная женщина»: такой перевод не верен тексту. Мевиша — это женщина, которая унижает мужа. Она может унижать его разными способами, в частности потому, что не реализовала себя и осталась внизу лестницы по сравнению с ним: тогда она его разрушает изнутри.

Кости — это то, что составляет структуру человека. Когда сотворено женское начало, текст говорит о цела: так называют склон горы, а склон человека — это женское начало. Без этого склона он не может удержать равновесие.

Поэтому структуру женского начала называют внутренней структурой, структурой костей; плоть представляет лишь внешнее. Если кости поражены гнилью, лечение трудно: замены нет.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Рав говорит здесь не об упреках, а о женщине, которой не дали реализовать себя. Есть ли у каждого в нашей паре, нашей семье возможность расти — учёба, работа, планы? Кто у нас остался «внизу лестницы», не выбирая этого?

Иша — не женский род от иш

ВВЕДЕНИЕ

Часто думают, что иша, женщина, — просто женский род от иш, мужчина. Рав замечает, что не хватает одной буквы: иш пишется с йуд, иша — без йуд, но с дагешем. И множественное число таит ещё один сюрприз.

ВОПРОС

О чём говорят поглощённая буква в слове иша и нун, вновь появляющийся во множественном числе?

ОТВЕТ

Иш — анашим; иша — нашим.

Если бы иша была женским родом от иш, она сохранила бы йуд. Но в иша нет йуда, а есть дагеш, указывающий, что буква поглощена. Всякий раз, когда стоит такой знак, это либо усиление буквы, либо слияние двух букв, либо замена скрытой буквы.

Каково множественное число от иш? Анашим. А от иша? Нашим: алеф исчез. Но откуда этот нун? Нун — это зародыш существа: так он представлен в еврейском алфавите.

Он напоминает, что мы всегда находимся в состоянии зачатия. Он остаётся скрытым, когда мы считаем себя отдельными личностями; но в общине мы находимся в становлении, и он появляется вновь: анашим, нашим.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

В одиночку считаешь себя «завершённым»; в общине снова становишься «в процессе». Что семья, друзья, община открыли нам в нас самих, чего мы никогда не увидели бы в одиночку? В чём мы ещё «в зачатии»?

Не он даёт имя женщине

ВВЕДЕНИЕ

Адам дал имена всем существам, ибо дать имя — значит знать назначение каждой вещи и владеть ею. Но он сам ещё не знал своей собственной природы. И когда ему представляют женское начало, он называет его не так, как остальных.

ВОПРОС

Откуда Адам берёт слово иш, которое он никогда ещё не употреблял, — и кто в этой фразе на самом деле определяет другого?

ОТВЕТ

«Она будет называться иша, ибо от мужа, иш, взята она» (Берешит 2:23); иш в значении еш, «есть» (Миха 6:10).

Адам только что дал имена всем сотворённым существам, потому что каждое отвечает чётко определённой функции, и человек и сегодня продолжает давать имена вещам. Но дать имя — это способ владеть. А он ещё не знал своей собственной природы: в слове Адам вперемешку соединились мужское и женское.

Это слово иш встречается у пророка Михи и в книге Иова как синоним еш. В иврите нет глагола «иметь», есть только глагол «быть». Единственная реальность, которую мы можем противопоставить всей сотворённой вселенной, — это то, что мы есть, что мы приобрели сами, что мы несём с собой.

И тогда человек, увидев женское начало, говорит: это не называется как всё остальное; она — часть меня самого. Наши мудрецы говорят, что без жены мужчина не знает ни добра, ни благословения: он не полон. Адам осуществляет свою собственную личность через существо, которое ему только что представили.

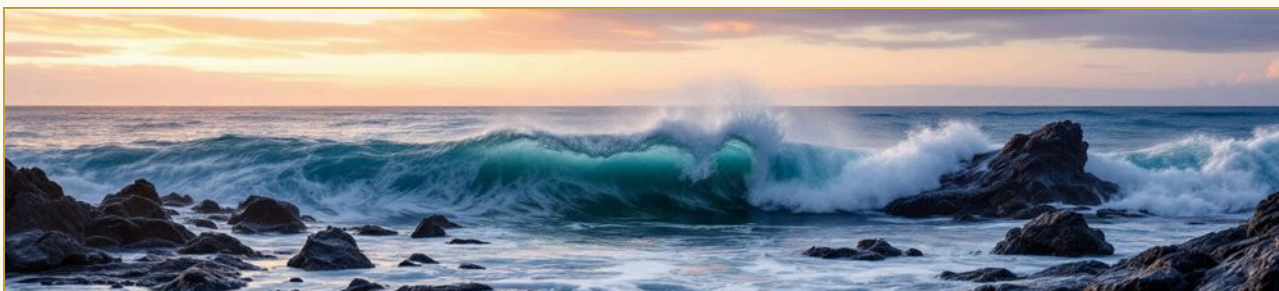
ВЫВОД РАВА

Не он определяет женщину — женщина определяет его.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Легко определять своих близких: их роль, характер, место. Пусть лучше каждый скажет, кто в его жизни определил его самого, — и знает ли тот об этом? Чем мы обязаны тому или той, кто дал нам узнать нашу собственную природу?

Хаиль: борьба в добродетели

ВВЕДЕНИЕ

Рав слышит в слове хаиль, доблесть, огласовку двойственного числа, как в маим, воды, или шамаим, небеса. Для него доблесть женщины — это «борьба в добродетели», отсылающая к более глубокой двойственности.

ВОПРОС

Каковы две стороны этой борьбы — и почему Устная Тора на стороне женского начала?

ОТВЕТ

Рав: *«В атрибутах а-Кадош барух Ху нет мужского и женского».*

В отличие от других религий, Элоким — одновременно и мужское, и женское. В Танахе это проявляется в двойственности шамаим, духа и материи; в Талмуде — а-Кадош барух Ху и Его имманентное присутствие; в Зоаре — царь и царица; в хасидском языке — явное и неявное. И придёт время, когда скрытое станет явным.

Хаиль несёт эту двойственность. Есть проявление суровое, бескомпромиссное: Письменная Тора, хок, предел, «нет», которого не касаются. Это захар, мужское начало.

Устная Тора — это женское начало: весь диалог, всё рассуждение, излучение себя, переложение, толкование, приспособление. Как напев Торы, подчиняющийся нотам и всё же оставляющий место целой поэзии бытия, целой возможности сочинения.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

В каждой семье нужны твёрдые правила и минуты диалога. Кто у нас воплощает скорее «Письменную Тору», а кто — «Устную»? Как эти два голоса могут петь вместе, а не противостоять друг другу?

Три влечения

ВВЕДЕНИЕ

Как есть три эшет хаиль, так в Танахе трижды встречается слово тшука, влечение. Рав читает их одно за другим: после греха Адама, перед Каином и в Песни песней.

ВОПРОС

Кто кого желает — и чему учат нас эти три влечения о супружестве и о нашем отношении к Б-гу?

ОТВЕТ

«К мужу твоему влечение твоё» (Берешит 3:16); «к тебе влечение его» (Берешит 4:7); «я — возлюбленному моему, и ко мне влечение его» (Шир а-ширим 7:11).

Первое следует за грехом Адама. Оно не говорит, что женщина будет желать: оно говорит, что она будет источником его желаний, его огнём, той, кто возвращает к реальности все цитадели разума, которые он возводит. То, что он проживёт огнём любви, он никогда не получит одной лишь научной строгостью.

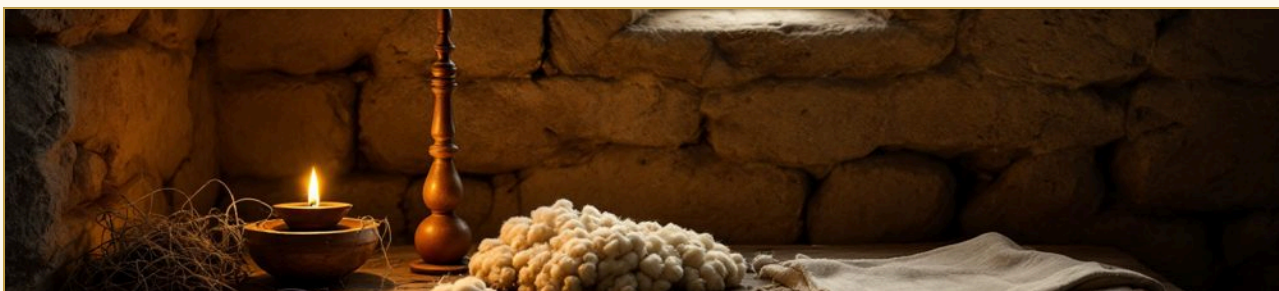
Второе обращено к Каину. Творить добро — это ярмо: не купить себе доброе дело, а делать добро другому. Хочешь возвыситься? Значит, ты должен смириться. Иначе грех лежит у твоей двери, и вместо влечения к Всевышнему у тебя будет влечение к падению.

Третье — слова общины Израиля, обращённые к её Творцу: я — возлюбленному моему. Не он желает меня: это я беру на себя его желание. Если мы утратили близость этих отношений, мы утратили её и с Б-гом, и с самими собой, и с Шабатом.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Кто в нашем доме «несёт» желание другого, берёт на себя то, что делает его счастливым? Добро, которое мы делаем, — делаем ли мы его для другого или чтобы почувствовать себя хорошими? Пусть каждый назовёт «ярмо» доброты, которое он несёт охотно.

Поэма без трансцендентности?

ВВЕДЕНИЕ

Рав читает «Эшет хаиль» стих за стихом: шерсть и лён, прялка и веретено, ткани, проданные купцу, дом, которым управляют бдительно. А потом спрашивает: нашли ли вы здесь что-нибудь трансцендентное?

ВОПРОС

Если поэма не говорит ни о Шабате, ни о кашруте, что делает Рут «женщиной доблестной»?

ОТВЕТ

«Руку свою раскрывает она бедному и протягивает руки нуждающемуся» (Мишлей 31:20).

Можно было бы ожидать, что нам скажут: вот женщина, которая как следует соблюдает Шабат, очень внимательна к кашруту, отделяет разрешённое от запрещённого. Но о рассказе о Рут наши мудрецы говорят, что в нём нет ни разрешённого, ни запрещённого: весь этот свиток написан лишь ради гмилут хасадим.

Не абстрактная доброта, уточняет Рав, а отдача себя: вот что такое хесед, и Рут его воплотила. И это отличает эшет хаиль: всё, что она делает, она уже обращает к мужу, к детям.

Наши мудрецы искали связь между Рут и поэмой: эшет хаиль — прежде всего женщина зериза, делающая всё с рвением. У неё есть чувство совершенства, но не внешнего совершенства: совершенства, которое дышит глубиной бытия.

ВЫВОД РАВА

Не она в центре собственных забот — а другой.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Дела «Эшет хаиль» обыденны: ткать, кормить, вести хозяйство, давать. Какое обыденное дело у нас на самом деле — отдача себя, которую никто не замечает? Кому мы могли бы сказать об этом в пятницу вечером, распевая эту поэму?

Нет святости в одиночку

ВВЕДЕНИЕ

Наоми возвращается с полей Моава, с полей изгнания, куда её привёл голод. Рав извлекает из этого урок для сегодняшнего дня: мы плохо оцениваем цену отъезда ради парносы, пропитания, когда он отдаляет от общины.

ВОПРОС

Можно ли быть святым в одиночку?

ОТВЕТ

«Святы будьте» (Ваикра 19:2) — во множественном числе.

Многие и сегодня уезжают в изгнание ради парносы. Но нужно оценить последствия этих поисков, когда была возможность жить в среде, обеспечивающей воспитание детей и полноту своего очага, своего общества, своей общины. Ибо еврейская жизнь не проживается в одиночестве: евреем бываешь только в общине.

Понятия индивидуальной святости не существует. Святость — это принадлежность к целому, в обострённом чувстве ответственности друг за друга. Её противоположность — одиночество, в котором человек видит лишь то, что может доставить ему удовольствие, ответить его эго, — вплоть до соблюдения религии.

Ибо соблюдение религии — не панцирь для человека: можно быть навалем, развращённым, под прикрытием Торы. Наша еврейская приверженность измеряется в целом общины, и эшет хаиль имеет именно этот смысл.

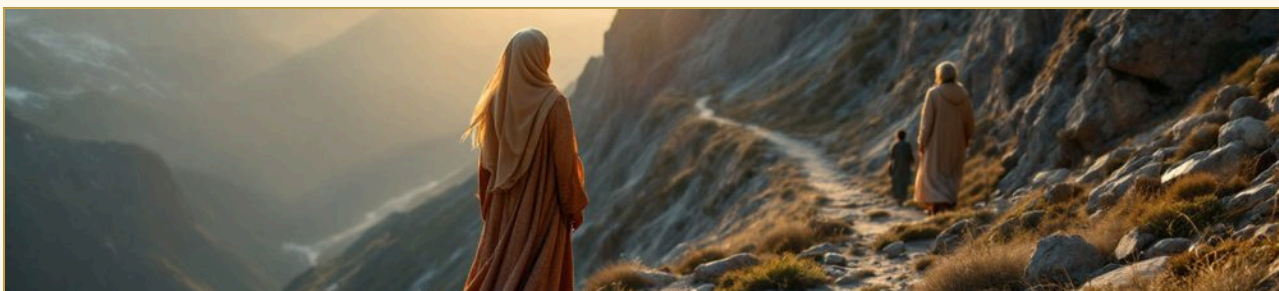
ВЫВОД РАВА

Святость бывает лишь в общине.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Наше соблюдение — частное дело или оно делает нас ответственными за других? За кого в нашей общине мы чувствуем себя по-настоящему ответственными? И кто почувствовал бы себя одиноким, если бы нас не было?

Иудаизм — это гора

ВВЕДЕНИЕ

Наоми сделала всё, чтобы отговорить невестку идти за ней: тебя не примут, на тебя будут косо смотреть. Рут настаивает. И в определённый момент Наоми перестаёт её отговаривать и принимает её. Рав показывает, что её убедило.

ВОПРОС

Какие слова Рут убедили Наоми — и что это говорит о том, чего ждут от того, кто хочет войти?

ОТВЕТ

«Куда ты пойдёшь, туда и я пойду... народ твой — мой народ» (Рут 1:16); «препоясывает силою чресла свои и укрепляет мышцы свои» (Мишлей 31:17).

Наоми говорит ей: тебя не примут, и меня саму осудят за то, что я покинула общину, когда у меня были средства ей служить. Оставайся у себя. Другие — не негодяи: они создания Б-га. У них свой закон, они вполне могут реализовать себя через него и считаться праведниками народов мира.

Рут отвечает: это не брак по расчёту; если я иду за тобой, то идёт моё сердце. Конечно, иудаизм — это гора, как и для Авраама, который на неё поднялся. Но я не говорю: это слишком трудно, я не справлюсь. Да, это трудно; каждый день я буду понемногу работать над собой, понемногу продвигаться.

Когда Наоми услышала, что она прилагает усилия, чтобы идти вперёд, она больше не отговаривала её: она приняла её в свои ряды. И эшет хаиль препоясывает силою чресла свои: не геркулесовой силой, а той, которую она с рвением даёт себе сама.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Перед тем, что кажется нам слишком высоким, — мицва, учёба, перемена, — говорим ли мы «я не справлюсь» или «я буду продвигаться понемногу каждый день»? На какую «гору» каждый хочет начать подниматься в этом году?